

Экономическая история

Научная статья
УДК 332.13(091)+332.142.2(091)
doi: 10.17223/19988648/57/6

Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX – начало XX в.)

Дмитрий Валерьевич Диденко

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия, didenko-dv@ranepa.ru*

Аннотация. Освещаются тенденции конвергенции и дивергенции в финансировании образования и здравоохранения в крупнейших макрорегионах дореволюционной России (Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток), а также определяется роль центрального правительства в этих процессах. Основными источниками сведений об объемах соответствующих средств выступали годовые губернаторские отчеты. В моделях по регионам Сибири и Дальнего Востока закономерность в сфере образования аналогична установленной для Европейской России (снижение дифференциации по мере расширения участия центрального правительства), а в сфере здравоохранения – противоположна последней (дифференциация возрастает, несмотря на расширение участия центрального правительства). Результаты в отношении Европейской России оцениваются как более, в отношении Сибири и Дальнего Востока – как менее подтвержденные.

Ключевые слова: конвергенция, дивергенция, государственные финансы, местное самоуправление, образование, здравоохранение

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБОУ ВО РАНХиГС. Автор выражает благодарность В.О. Афанасенкову и И.В. Шильниковой за предоставленные данные о численности населения Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской губерний, Амурской, Забайкальской и Приморской областей (собранные и реконструированные на основе изданий ЦСК МВД и губернаторских отчетов).

Для цитирования: Диденко Д.В. Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в основных макрорегионах России (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 57. С. 77–101. doi: 10.17223/19988648/57/6

Economic History

Original article

Spatial inequality in human capital formation in Russia's main macroregions (late 19th – early 20th centuries)

Dmitry V. Didenko

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia, didenko-dv@ranepa.ru*

Abstract. The article highlights the trends of unequal accumulation of human capital in late Imperial Russia as regards convergence and divergence in its largest macroregions (European Russia, Siberia, and the Far East), and also investigates the role of the central government in these processes. The main source of evidence on the funding for education and healthcare were the annual governors' reports. The quality of their information in Russia's eastern regions is assessed as lower than in the western ones. Additionally, the author employs the data from official publications of the statistical and financial offices, as well as estimates from academic literature. The starting point of the analysis is the pattern from the seminal work by Jeffrey Williamson (1965), in which the initial impulse to 'modern economic growth' (the term was coined by Simon Kuznets, 1955, 1966) first affected the core region and then spread to the periphery. As a result, the long-term trend of interregional disparities forms a bell-shaped curve. Studies on the main countries of Western Europe and North America have by large found evidence conforming to this pattern. The author finds that, in European Russia, since the late 1870s, interregional disparity in education financing decreased, while in healthcare it slightly increased. Spatial differentiation weakened in the branch where the share of central government funds was higher (education) and in the periods when it tended to increase (in both education and healthcare). Spatial inequality of the regions in Siberia and the Far East weakened over time in both areas of human capital formation, yet not very strongly and not so definitely. High per capita funding for education and healthcare in the regions of the Far East is explained by the relatively high level of urbanization, which was stimulated primarily by geopolitical challenges. This resulted in a high share of funds from the central government and from the urban communities. Thus, the pattern from Williamson (1965) receives only partial empirical support as regards Russia. The increased involvement of the central government was of a leveling nature, creating a counterbalance to interregional divergence. In the regions of Siberia and the Far East, the pattern in education is similar to that discovered for European Russia (inequality decreases as the participation of the central government expands), and, in the healthcare sector, it is the opposite of the latter (inequality increases despite the expansion of the central government participation). The trends identified in the dynamics of inequality and its factors in European Russia are confirmed by different measurement methods. At the same time, as regards Siberia and the Far East, there is a strong sensitivity to these methods. Therefore, the corresponding results are confirmed to a lesser extent.

Keywords: convergence, divergence, public finance, local government, education, healthcare

Acknowledgments: The study was carried out under the Russian Government assignment to RANEPА. The author would like to thank Vladislav O. Afanasev and Irina V. Shilnikova for supplying data on the population of Yenisei, Irkutsk, Tobolsk, Tomsk provinces, Amur, Trans-Baikal and Primorye regions (collected and reconstructed on the basis of the publications of the Central Committee of the Ministry of Internal Affairs and the governors' reports).

For citation: Didenko, D.V. (2022) Spatial inequality in human capital formation in Russia's main macroregions (late 19th – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*. 57. pp. 77–101. (In Russian). doi: 10.17223/19988648/57/6

Введение

В настоящем исследовании освещается динамика пространственной дифференциации в крупнейших макрорегионах Российской империи в направлении социально-экономической конвергенции и дивергенции, роль центрального правительства, местных органов власти и самоуправления в этих процессах. Пространственная выборка регионов Европейской России [1, 2] расширяется за счет других крупных макрорегионов – Сибири и Дальнего Востока. На основе апробированных методов проводится количественный анализ неравномерности процессов накопления человеческого капитала в восточных регионах страны в сравнении с Европейской Россией и Российской империей в целом. Соответствующие свидетельства в отношении тенденций пространственного неравенства и лежащих в их основе факторов сравниваются с полученными ранее для Европейской России, которые были отчасти пересчитаны для обеспечения лучшей сопоставимости.

В теоретическом аспекте отправной точкой нашего анализа является модель в [3], где было высказано предположение о колоколообразной форме долгосрочного тренда динамики межрегионального неравенства. Дж. Уильямсон обосновывал ее тем, что первоначальный импульс к «современному экономическому росту» (в понимании С. Кузнецца [4, 5]) сначала затрагивает основной регион, а затем распространяется на другие. Это приводит к расхождению между ядром и периферией, что еще больше усугубляется миграцией квалифицированной рабочей силы и перемещением капитала с периферии в ядро, а также политикой центрального правительства, благоприятствующей инвестициям в основной регион. На более поздних стадиях развития межрегиональные связи и региональная политика приобретают все большее значение, что приводит к перетоку знаний и капитала из центра на периферию и запускает процессы конвергенции.

Таким образом, в ходе запуска и на ранних стадиях «современного экономического роста» как в традиционных регионах ядра национальной экономики, так и на периферии, где активно идут процессы колонизации и фронтальной модернизации, закономерно возрастают структурные дисбалансы в социальной, экономической и финансово-бюджетной системах. В то же время со стороны политической сферы действуют интеграционные тенденции в сторону социально-экономической конвергенции регионов.

Механизмами сокращения пространственной дифференциации могут выступать не только централизованные бюджетные трансферты и государственные инвестиции, но и изменения направлений движения факторов производства. Эти процессы имеют тенденцию усиливаться с возрастанием пространственной дифференциации.

В подтверждение данной траектории имеется критическая масса свидетельств, которые показывают, что уровень индивидуального неравенства доходов возрастал на ранних стадиях индустриального развития, как и на ранних стадиях других крупных системных трансформаций («кривая Кузнец», впервые сформулированная в [4]), как следствие сдвигов в структуре спроса/предложения навыков и в институциональной структуре рынков труда.

Согласно [6, с. 591–593], понижение пространственной дифференциации абсолютных значений показателей (σ -конвергенция) происходит прежде всего за счет опережающих темпов их изменений в отстающих сегментах (β -конвергенция).

В литературе последних десятилетий существование пространственной кривой Кузнец, сформулированной в [5], было подтверждено результатами по таким странам, как США, Великобритания, Италия, Испания, Швейцария [7–11], в то время как исследования по Франции и Финляндии обнаружили долгосрочную тенденцию к конвергенции [12, 13]. Исследования по Швеции выявили менее определенную картину в зависимости от методов измерения неравенства [13, 14].

В [2] на выборке земских губерний европейской части России было показано усиление пространственной дифференциации в накоплении человеческого капитала в образовании до конца 1870-х гг., после чего началось ее сокращение; в здравоохранении формирование человеческого капитала сопровождалось процессами межрегиональной дивергенции до конца до-революционного периода. Эти тренды связывались с разной степенью участия центрального правительства в финансировании сфер образования и здравоохранения и ее изменениями во времени.

К концу XIX в. в основных странах Западной Европы финансирование образования из общественных источников стало вполне сложившейся тенденцией [15, vol. 2, p. 153], однако преобладавшей практикой оставалось участие региональных и местных бюджетов [15, vol. 1, p. 110–127]. В Германии (Пруссии), добившейся во второй половине XIX в. наивысшего среди европейских стран уровня охвата начальным образованием в условиях децентрализованной системы его финансирования, происходил процесс дивергенции регионов [15, p. 87–89, 115–121]. Наибольшее участие центрального правительства было характерно для Франции [15, p. 111].

Ниже мы документируем свидетельства о том, какие тенденции – к конвергенции или дивергенции – преобладали в центральных и восточных регионах России и какие факторы лежали в их основе. В первую очередь рассматривается вопрос о том, какую роль играло центральное правительство в накоплении человеческого капитала.

Источники

Основными источниками исходных данных в нашем исследовании выступали годовые губернаторские отчеты. Их высокий информационный потенциал для изучения истории образования и здравоохранения в Восточной Сибири указывался в [16, с. 52]. Наш анализ информационного потенциала и критики данного источника за период с 1870 по 1914 г. показал, что информация об образовании и здравоохранении вряд ли подвергалась в нем сознательному искажению и ее достоверность может быть оценена как приемлемая [1, с. 117–120]. При этом с точки зрения полноты, уровня детализации, структурной однородности и непрерывности рядов статистических данных качество информации губернаторских отчетов об объемах финансирования этих отраслей по регионам Сибири и Дальнего Востока оценивается значительно ниже, чем по регионам Европейской России. В связи с этим мы активно привлекали данные из публикаций Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, Министерства финансов, статистического обзора [17–21], а также современной научной литературы [22].

Измерение пространственной дифференциации и ее динамики

Показатели объема финансирования образования и здравоохранения свидетельствуют о валовом накоплении человеческого капитала. Рассмотрим ряд зависимостей, показывающих наличие конвергенции и дивергенции в российских макрорегионах по ряду его показателей.

Как и ранее [2], для совокупной оценки пространственной дифференциации этих стоимостных показателей мы использовали коэффициент вариации за определенный год (использовался также в [3, р. 11–12; 23]). Однако в данном случае он рассчитывался не только по суммарному, но и по душевому объему финансирования образования и здравоохранения, поскольку, в отличие от Европейской России, в Сибири и в большей степени на Дальнем Востоке существенное значение имели резкие колебания численности населения вследствие изменения административных границ и миграционных процессов. В связи с тем, что не по всем регионам и не за все годы рассматриваемого периода имеются данные о численности населения, это привело к снижению их количества в выборках: до 7 губерний в Европейской России; Сибирь и Дальний Восток были объединены в единую категорию (7 регионов). Минимально достаточным за отдельный год определено количество в 5 регионов.

Суммарные объемы финансирования образования в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Воронежская, Вологодская, Калужская, Курская, Пермская, Рязанская, Саратовская. Суммарные объемы в здравоохранении в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Воронежская, Вологодская, Калужская, Курская, Пензенская, Пермская, Саратовская. В обоих случаях это губер-

нии, данные по которым приняты достаточными для идентификации структуры финансирования здравоохранения в разрезе институциональных источников.

Подушевые объемы в образовании и здравоохранении в Европейской России рассчитывались по следующей выборке губерний: Новгородская, Смоленская, Тамбовская, Ярославская, Калужская, Пермская, Рязанская. Это губернии, по которым имеются достаточные данные об объемах финансирования образования и здравоохранения, а также о численности населения.

В соответствии с имеющейся практикой операций с показателями доходов, обычно не подверженными нормальному распределению, тренды абсолютных показателей сопоставлялись с трендами логарифмированных показателей.

Тенденции пространственной дифференциации

В [2] было продемонстрировано, что в Европейской России с конца 1870-х гг. межрегиональная дифференциация по финансированию образования понизилась, а по финансированию здравоохранения несколько повысилась. Изменение выборки губерний дает в целом тот же результат в сфере образования, а в сфере здравоохранения тренд становится нейтральным (рис. 1). Переход от суммарных к подушевым объемам финансирования образования и здравоохранения, сопровождаемый корректировкой набора анализируемых губерний (рис. 2), не приводит к принципиальному изменению тренда в образовании, но в здравоохранении вместо нейтрального он вновь становится восходящим (как и в [2]).

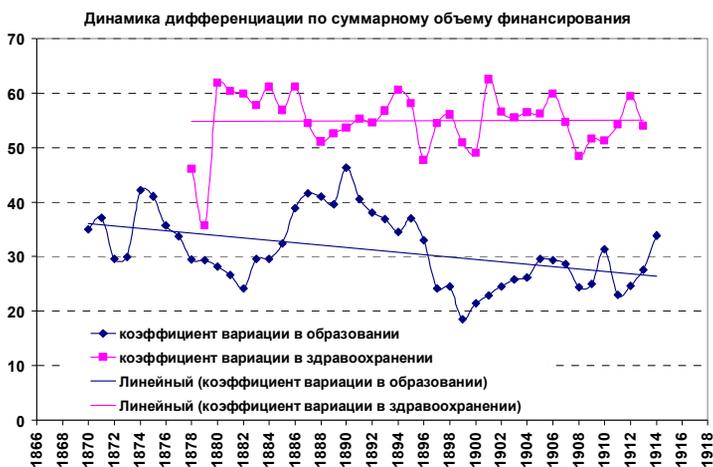
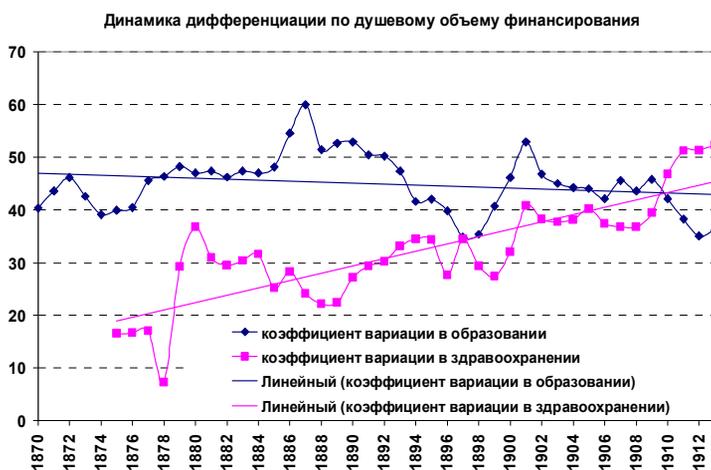

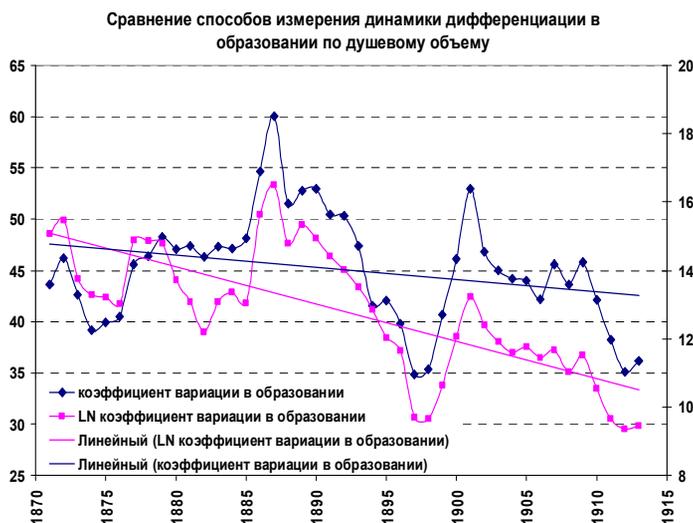
Рис. 1. Динамика дифференциации суммарного объема финансирования образования и здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России.

Рассчитано по: [17–22, 24–31]

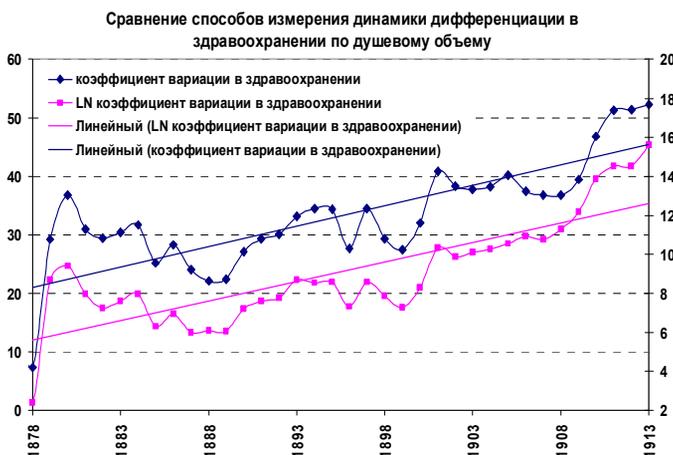

Рис. 2. Динамика дифференциации подушевого финансирования образования и здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

Рисунки 3 и 4 показывают, что логарифмирование подушевых объемов финансирования образования и здравоохранения в Европейской России не приводит к изменению направлений трендов пространственной дифференциации, притом что для образования угол наклона тренда становится более крутым.

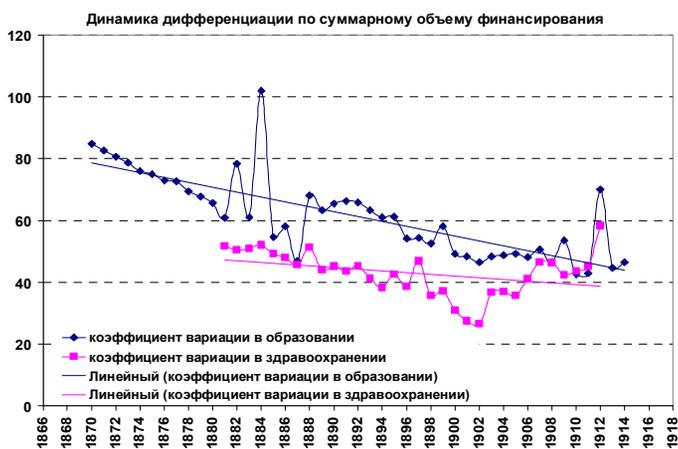

Рис. 3. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования образования по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

Рис. 4. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования здравоохранения по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 26, 29, 30, 32–35]

Исходя из динамики институциональной структуры финансирования [1], можно утверждать, что в сфере образования Европейской России основным фактором изменений до конца XIX в. было увеличение соответствующих финансовых ресурсов у губернских и уездных земств. В отношении здравоохранения данный фактор являлся определяющим на всем протяжении рассматриваемого периода. По расчетам С. Нафцигера, доля расходов на образование и здравоохранение в бюджете земств повысилась с 18,1% в 1871 г. до 63,3% в 1913 г. [36, р. 400]. Причем уровень представительства крестьянской курии положительно влиял на уровень расходов земств на эти цели [36, р. 415–431].

Рис. 5. Динамика дифференциации суммарного объема финансирования образования и здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

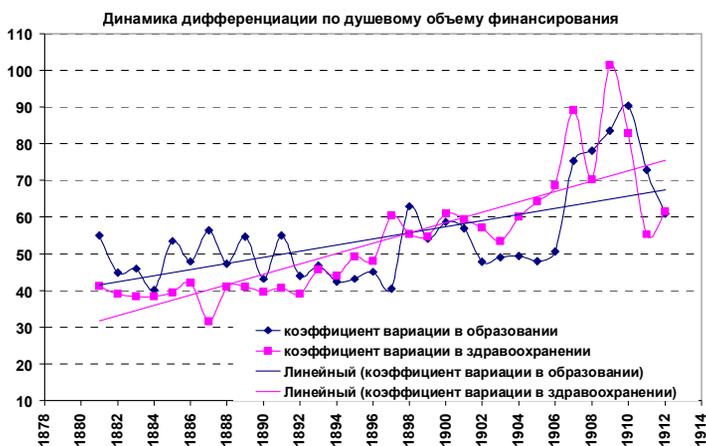

Рис. 6. Динамика дифференциации подушевого финансирования образования и здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

Рисунки 5 и 6 показывают, что при анализе динамики пространственной дифференциации регионов Сибири и Дальнего Востока переход от суммарных к подушевым объемам финансирования образования и здравоохранения приводит к изменению направления трендов и в образовании, и в здравоохранении. В обеих сферах он становится восходящим вместо нисходящего.

В свою очередь, логарифмирование подушевых объемов финансирования образования (рис. 7) и здравоохранения (рис. 8) приводит к изменению тренда пространственной дифференциации и в образовании, и в здравоохранении.

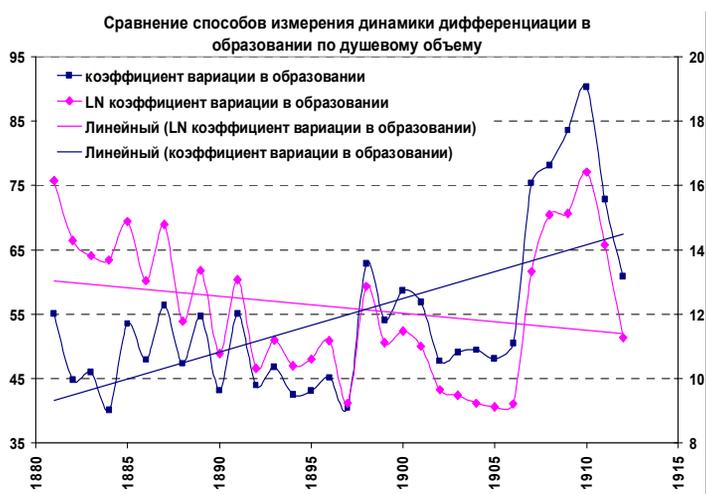
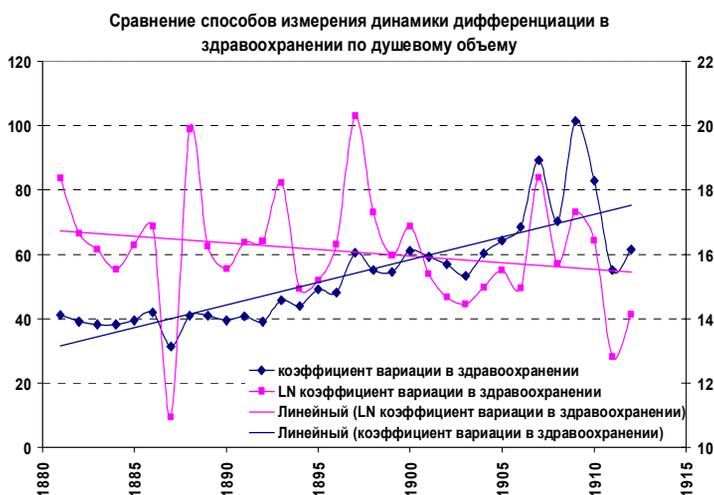

Рис. 7. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования образования по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

Рис. 8. Сравнение динамики двух показателей пространственной дифференциации финансирования здравоохранения по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока. Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

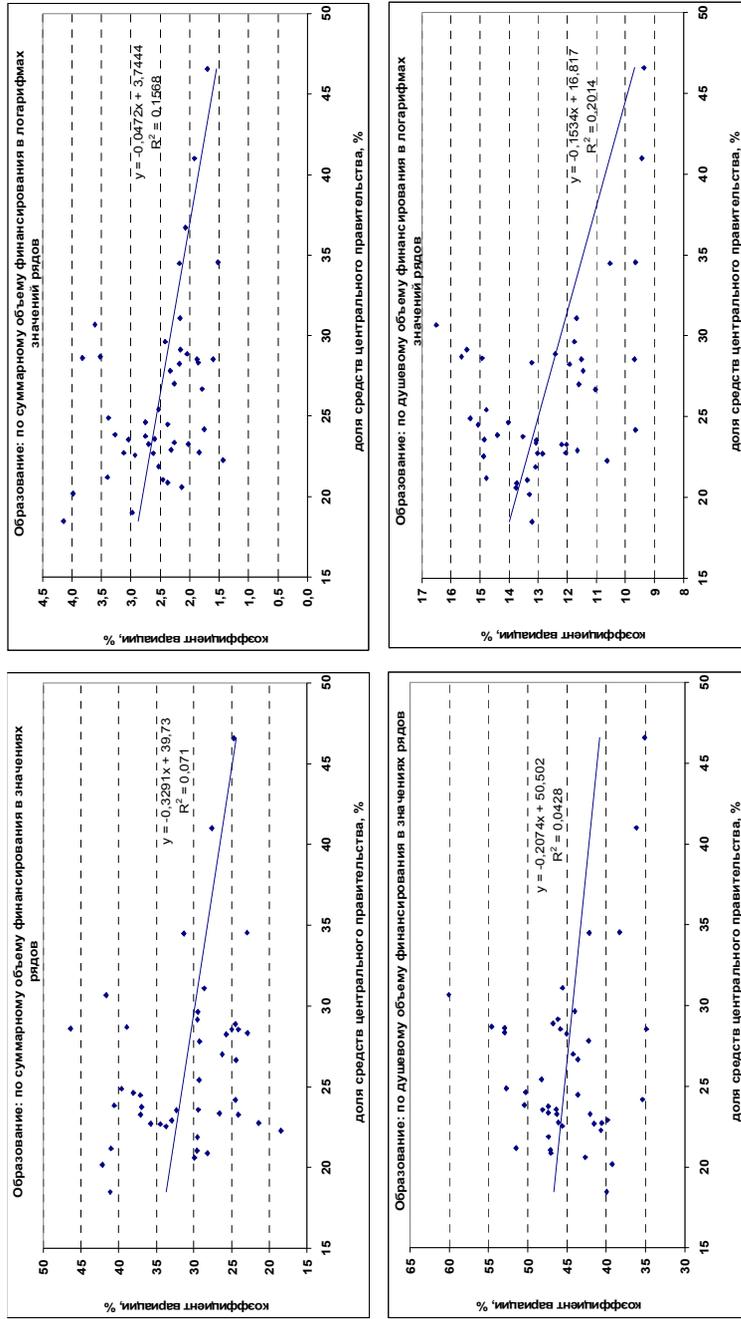
Вместо восходящего он становится умеренно нисходящим. Таким образом, *результат нашего анализа показывает, что пространственная дифференциация с течением времени ослабевала в обеих сферах формирования человеческого капитала, но не очень сильно и не очень четко выражено.*

Бюджетная политика центрального правительства как фактор пространственной дифференциации

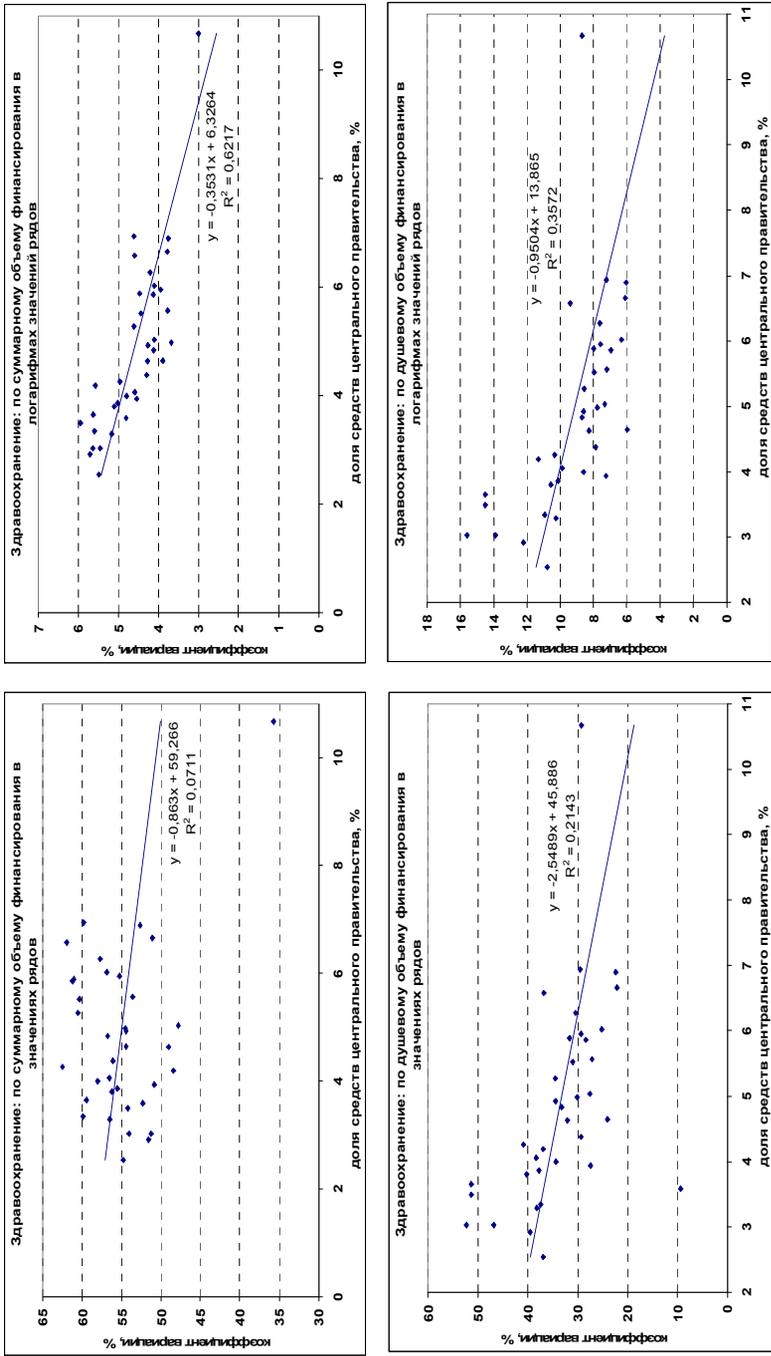
В [2] было установлено, что пространственная дифференциация на выборке губерний Европейской России с течением времени ослабевала в той отрасли, где доля средств центрального правительства была выше (образование, и в те периоды, когда она имела тенденцию к возрастанию и в образовании, и в здравоохранении).

Рисунок 9 демонстрирует ту же зависимость на примере измененной выборки губерний Европейской России в сфере образования, а рис. 10 – в сфере здравоохранения. Переходы способов измерения от суммарного к подушевому уровню и от значений рядов к логарифмам не ведут к изменению характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства в финансировании образования. Вновь, как и в случае с трендами динамики пространственной дифференциации, результат измерения для Европейской России не меняется с корректировкой выборки губерний (по сравнению с [2]).

Несколько иная картина складывается исходя из материалов по регионам Сибири и Дальнего Востока. В данном случае переходы от суммарного к подушевому уровню финансирования образования (рис. 11) и здравоохранения (рис. 12) ведут к изменению характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства.

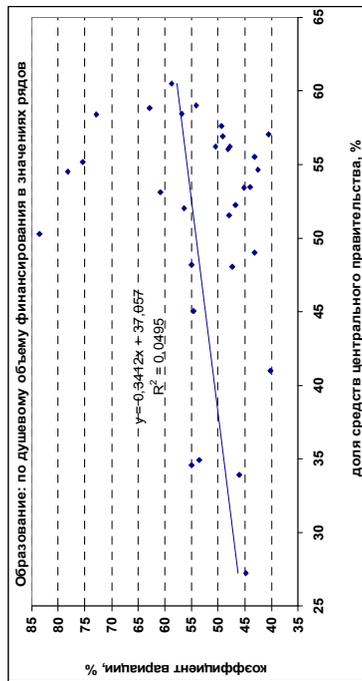
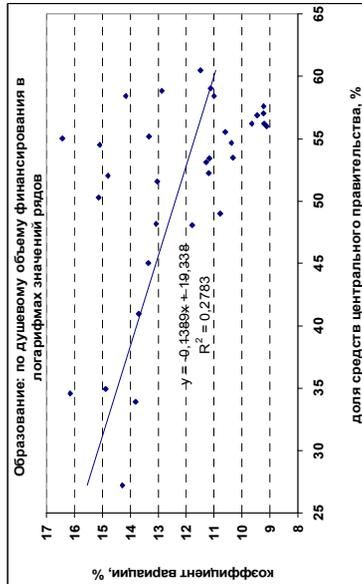
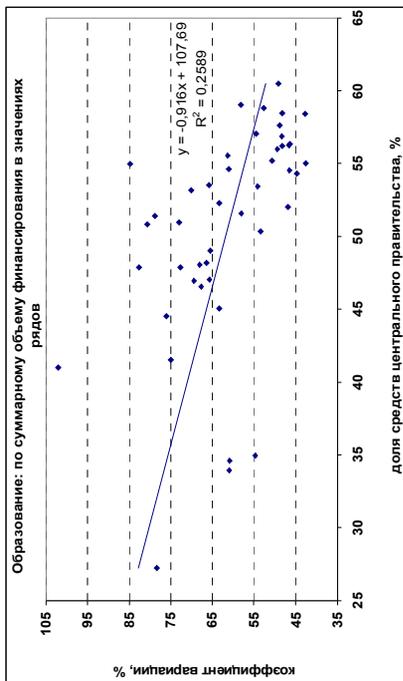
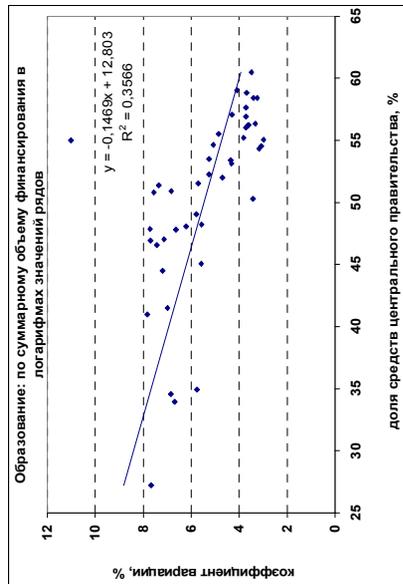

Рис. 9. Динамика пространственной дифференциации финансирования образования в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке земских губерний Европейской России. Рассчитано по: [17–22, 24–35]

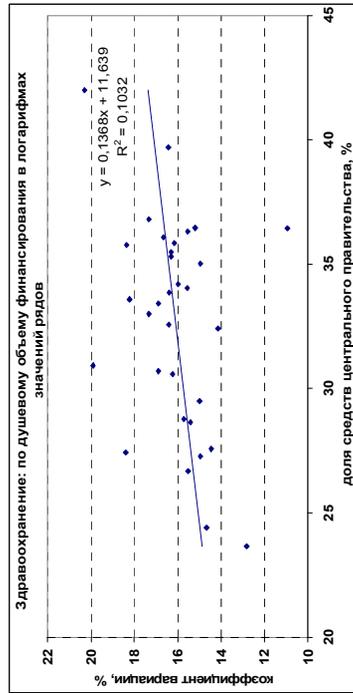
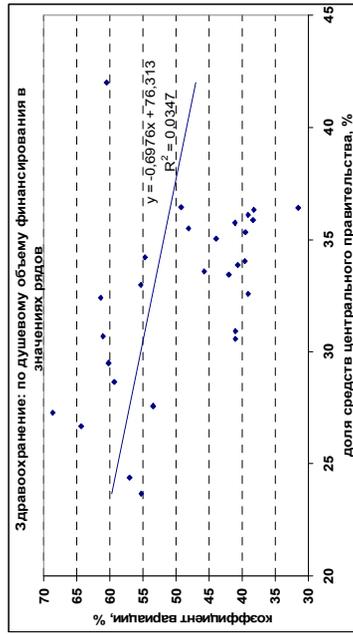
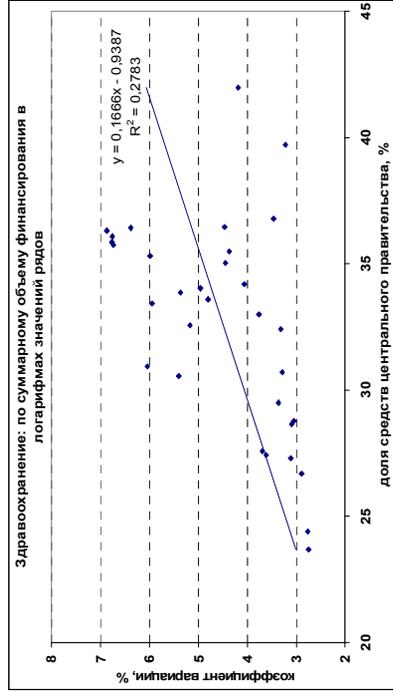
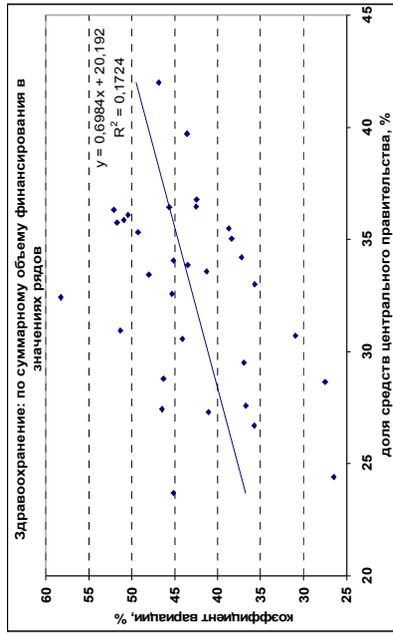

Рис. 10. Динамика пространственной дифференциации финансирования здравоохранения в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке губерний Европейской России.

Рассчитано по: [17–22, 24–35]

Рис. 11. Динамика пространственной дифференциации финансирования образования в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
 Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

Рис. 12. Динамика пространственной дифференциации финансирования здравоохранения в зависимости от доли средств центрального правительства по выборке регионов Сибири и Дальнего Востока.
Рассчитано по: [21, 22, 37–43]

В свою очередь, изменение способа измерения пространственной дифференциации в финансировании соответствующих отраслей (от значений рядов к логарифмам) вновь ведет к смене характера зависимости пространственной дифференциации от доли средств центрального правительства.

Ожидаемо, что наибольшим коэффициентом детерминации обладают модели, в которых пространственная дифференциация измеряется в логарифмах значений рядов. Однако в случае с суммарными объемами они не являются релевантными в силу указанных выше отличий динамики населения в восточных регионах от западных. Из релевантных (в подушевом выражении) большей точностью обладают модели, в которых пространственная дифференциация измеряется в логарифмах значений рядов. В этих моделях зависимость в сфере образования аналогична установленной для Европейской России (снижение дифференциации по мере расширения участия центрального правительства), а зависимость в сфере здравоохранения – противоположна последней (дифференциация возрастает, несмотря на расширение участия центрального правительства).

Таким образом, идентифицированные тенденции динамики неравенства и связанных с ним факторов в Европейской России подтверждаются различными методами его измерения. В то же время в отношении регионов Сибири и Дальнего Востока проявляется сильная чувствительность результатов от методов измерения неравенства. Поэтому соответствующие результаты можно считать в меньшей степени подтвержденными.

И на Дальнем Востоке (в рассматриваемое историческое время относившегося к Восточной Сибири), и в основной части Сибири, колонизированном с XVII в. (западной части – с конца XVI в.) и занимавшей промежуточное положение между Европейской Россией и Дальним Востоком, в условиях приоритета колонизационных и военно-стратегических задач, социальная политика центрального правительства была направлена на сокращений различий с европейской частью страны, при учете особенностей восточных макрорегионов.

Ключевым фактором высокого подушевого объема финансирования и образования, и здравоохранения в областях Дальнего Востока представляется сравнительно высокий уровень урбанизации этих регионов как по сравнению с земскими губерниями Европейской России, так и с полностью управляемыми представителями центрального правительства губерниями Сибири (таблица). Однако эта урбанизация, которая на Дальнем Востоке шла активнее, чем в других макрорегионах, стимулировалась не столько экономико-географическими, сколько геополитическими факторами и проявлялась в деятельности государства по созданию военно-административных центров на новых колонизируемых территориях. Так, на 1 000 занятых в Приморской области 149 приходилось на вооруженные силы, в Амурской – 25, в Забайкальской – 11 [44, с. 2, 4–5, 56–57, 143–144].

Хотя в восточных регионах России отсутствовали земства, на уровне городов, как и в Европейской России, местное самоуправление действовало на основании Городового положения от 16 июня 1870 г. На Дальнем Востоке

городские средства являлись более весомым (по сравнению с Европейской Россией и Сибирью) источником расходов на образование и здравоохранение, доля которых имела тенденцию к значительному расширению.

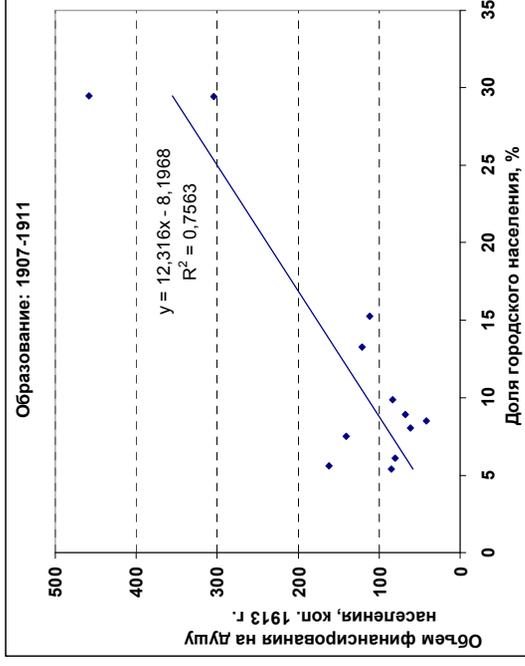
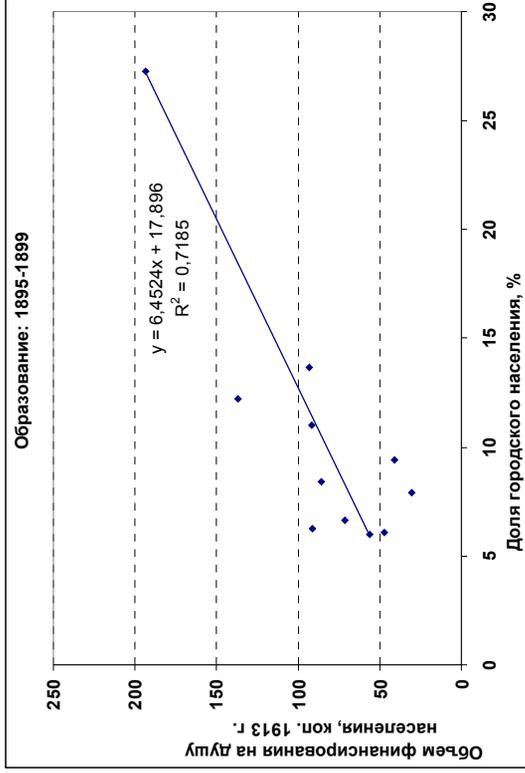
Объемы валового накопления человеческого капитала в реальном выражении на душу населения и уровень урбанизации

Территория	Среднегодовой объем финансирования на душу населения, коп. 1913 г.				Доля городского населения, %	
	образование		здравоохранение		1897	1908
	1895–1899	1907–1911	1895–1899	1907–1911		
Российская империя	105	163	84	121	13,4	
<i>Дальний Восток</i>						
Приморская область	н/д	459	н/д	283	23,0	29,5
Амурская область	194	305	74	143	27,3	29,5
Забайкальская область	н/д	н/д	43	76	6,4	12,9
<i>Сибирь</i>						
Иркутская губерния	137	112	89	97	12,2	15,2
Енисейская губерния	92	83	48	58	11,0	9,9
Томская губерния	71	68	14	37	6,6	8,9
Тобольская губерния	47	80	25	36	6,1	6,1
<i>Европейская Россия</i>						
Новгородская губерния	91	162	35	52	6,3	5,6
Смоленская губерния	30	41	49	52	7,9	8,5
Ярославская губерния	93	121	71	104	13,7	13,3
Калужская губерния	86	141	41	70	8,4	7,5
Пермская губерния	56	85	66	95	6,0	5,4
Рязанская губерния	41	62	33	22	9,4	8,1

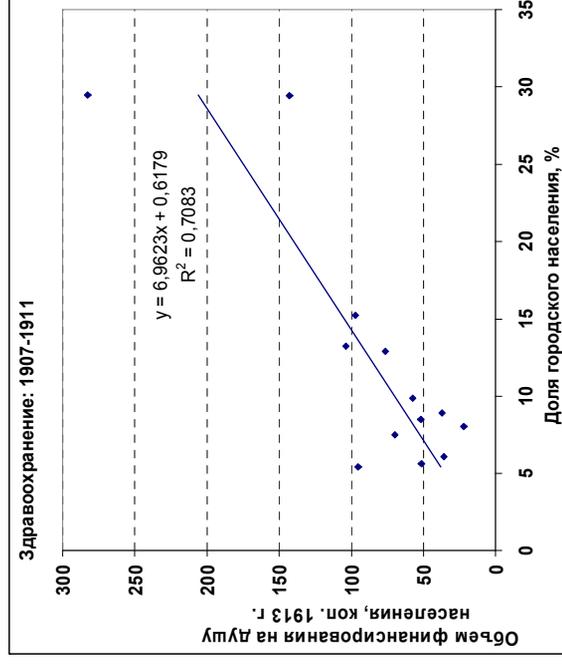
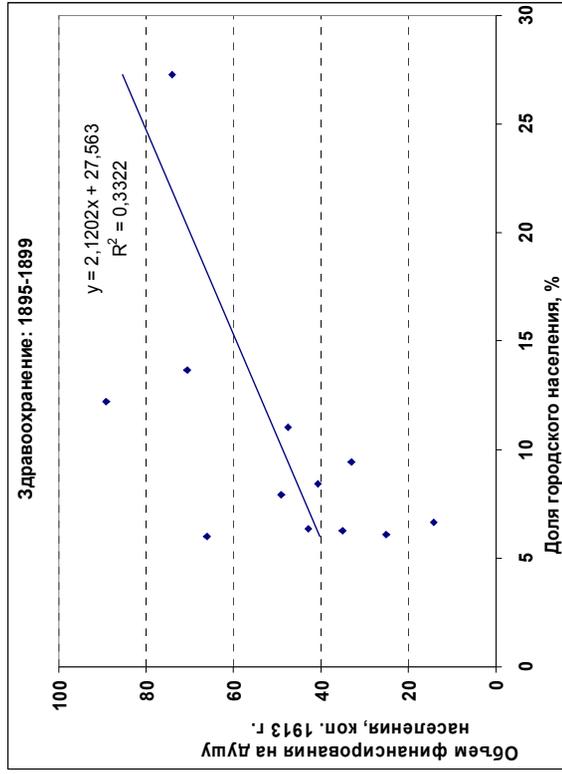
Рассчитано по: Объемы финансирования в Российской империи: [1]; Объемы финансирования в регионах: [26, 29, 30, 32, 33, 35, 37–43] и [17–22]. Доля городского населения в 1897 г.: [45]. Доля городского населения в 1908 г.: [44].

В Сибири максимальный уровень урбанизации, определявший сравнительно высокий объем финансирования образования и здравоохранения, отмечался в Иркутской и Енисейской губерниях.

Высокая прямая зависимость объемов подушевого финансирования двух основных отраслей формирования человеческого капитала от доли городского населения показана на рис. 13 и 14. Данная зависимость прослеживается, несмотря на значительное несоответствие экономической деятельности и административного деления в поздней Российской империи, когда промышленность и торговля расширились не только в городах, но и в сельской местности, а основным занятием значительной части городских жителей оставалось сельское хозяйство [46, т. 1, с. 812, 820–823].

Рис. 13. Объем подушевого финансирования образования в зависимости от доли городского населения в 1897 и в 1908 гг.
Источник: таблица в настоящей статье

Рис. 14. Объем подушевого финансирования здравоохранения в зависимости от доли городского населения в 1897 и в 1908 гг.
Источник: таблица в настоящей статье

Повышенных затрат на здравоохранение на Дальнем Востоке требовали следующие направления:

1. *Военная медицина*, поскольку в структуре населения данного макро-региона в начале колонизации преобладали военнотруженики. Соответственно, первые лечебные заведения принадлежали военному ведомству, финансировавшему медицину на сравнительно высоком уровне. Там же оказывалась медицинская помощь и гражданскому населению [47, с. 140]. Многочисленные свидетельства сохранения такого положения в начале XX в. приводятся в губернаторских отчетах по Приморской [37, с. 30, 43] и Амурской [38, с. 53, 57] областям. Выделялся в этом отношении морской госпиталь во Владивостоке, который обслуживал также население окрестного Южно-Уссурийского края [48, с. 21].

2. *Учреждения пенитенциарной системы*, более распространенные на Дальнем Востоке по сравнению не только с Европейской Россией, но и с Сибирью. Особенно высокой долей ссыльных каторжных и поселенцев в составе населения до 1905 г. отличался о. Сахалин, который до русско-японской войны входил в состав Приморской области и был ее сравнительно населенной территорией. Также значительной долей данного контингента отличалась Забайкальская область. Расходы на здравоохранение составляли 3–5% общих затрат на содержание каторжан [39, с. 65, 74, 85, 104], что в несколько раз превышало уровень таких расходов на среднестатистического жителя России.

3. *Корпоративная медицина*, развивавшаяся в первую очередь на железнодорожных, золотодобывающих предприятиях, особенности труда на которых определяли повышенный спрос на услуги здравоохранения [38, с. 34, 56].

4. *Целенаправленная медицинская помощь переселенцам*, в период Столыпинской аграрной реформы составлявшая отдельную группу отраслевых расходов [37, с. 36, 37; 39, с. 86].

5. *Борьба с частыми эпидемиями* (в том числе профилактическая), о чем периодически сообщается в губернаторских отчетах по Приморской [37, с. 30, 37, 64, 65] и Амурской [38, 43, 44] областям. Города юга Дальнего Востока, расположенные в приграничной зоне, сталкивались с распространением болезней и эпидемий из сопредельных государств, в первую очередь из Китая. Так, эпидемия легочной чумы в 1910–1911 гг. в Маньчжурии заставила власть и общество серьезно обратиться к решению проблемы усиления санитарного надзора [49, с. 316–320]. В Приморской области в 1910–1911 гг. со стороны центрального правительства соответствующие поступления целевого характера составили 170 503 руб. (Губернаторский годовой отчет по Приморской области за 1911 г. С. 113–114), т.е. около 10% оцениваемой нами суммы совокупных расходов на здравоохранение в области за 2 года.

6. *Отдельные климатические особенности* данного макрорегиона, часто приводившие к наводнениям, массовым болезням животных, неурожаю, соответственно, к потребности в чрезвычайном финансировании мероприятий санитарно-эпидемиологической направленности.

Выводы

При запуске и на ранней стадии «современного» типа экономического роста неравномерное социально-экономическое развитие регионов генерировало тенденцию к дивергенции в накоплении человеческого капитала. Эта тенденция отчетливо проявлялась в тех сегментах (здравоохранение в Европейской России) и в те периоды (образование в Европейской России в конце XIX в., в отличие от начала XX в.), где и когда доля финансирования центрального правительства отличалась в меньшую сторону. Выравнивающий характер носило повышенное участие центрального правительства, которое формировало противоположную тенденцию к межрегиональной конвергенции. Наибольшим (по доле финансирования) его участие было зафиксировано в сфере образования на Дальнем Востоке, несколько меньшим – в Сибири. В сфере здравоохранения в восточных регионах страны доля участия центрального правительства в большую сторону радикально отличалась от Европейской России.

Данные закономерности установлены с большей определенностью и достоверностью в отношении Европейской России, в то время как в отношении Сибири и Дальнего Востока – с меньшей, в связи с пониженным качеством источниковой базы, в том числе недостаточной полнотой данных.

Список источников

1. Диденко Д.В. Динамика и институциональные источники накопления человеческого капитала в регионах России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Экономическая история: Ежегодник. М. : Институт российской истории РАН, 2020. С. 107–149.
2. Диденко Д.В. Пространственное неравенство и накопление человеческого капитала в Европейской России при переходе к «современному» типу экономического роста (конец XIX – начало XX вв.) // Мир России. 2021. Т. 30, № 3. С. 100–126.
3. Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns // Economic Development and Cultural Change. 1965. Vol. 13, № 4. Part II. P. 1–84.
4. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review. 1955. Vol. 45. P. 1–28.
5. Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread. New Haven ; London : Yale University Press, 1966. 529 p.
6. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. М. : БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010 [2004]. 824 с.
7. Kim S. Economic integration and convergence: U.S. regions, 1840–1987 // The Journal of Economic History. 1998. Vol. 58, №3. P. 659–683.
8. Crafts N.F.R. Regional GDP in Britain, 1871–1911: Some estimates // Scottish Journal of Political Economy. 2005. Vol. 52, № 1. P. 54–64.
9. Felice E. Regional value added in Italy, 1891–2001, and the foundation of a long-term picture // The Economic History Review. 2011. Vol. 64, № 3. P. 929–950.
10. Martínez-Galarraga J., Rosés J.R., Tirado D.A. The long-term patterns of regional income inequality in Spain, 1860–2000 // Regional Studies. 2015. Vol. 49, № 4. P. 502–517.
11. Stohr C. Regional Inequality in Switzerland // Research in Economic History / ed. by C. Hanes, S. Wolcott. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2018. Vol. 34. P. 135–198.

12. Combes P.-P., Lafourcade M., Thisse J.-F., Toutain J.-C. The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective // *Explorations in Economic History*. 2011. Vol. 48, № 2. P. 243–271.

13. Enflo K. Finland's regional GDPs 1880-2010: Estimates, sources and interpretations // *Lund Papers in Economic History*. 2014. № 135. P. 1–32. URL: https://portal.research.lu.se/portal/files/18258181/2014_135.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

14. Enflo K., Rosés J.R. Coping with regional inequality in Sweden: Structural change, migrations, and policy, 1860–2000 // *The Economic History Review*. 2015. Vol. 68, № 1. P. 191–217.

15. Lindert P.H. *Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century* : 2 vol. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 377 p.

16. Кискидосова Т.А. Губернаторские годовые отчеты как источник по изучению городского населения Восточной Сибири в 1850–1880-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 412. С. 50–53.

17. *Статистический* временник Российской империи. Сер. III. Вып. 16: Доходы и расходы губернских и уездных земств за 1883 год // Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1886. 76 с.

18. *Статистика* Российской империи. [Вып.] XXXVI: Мирские доходы и расходы за 1894 год в 50 губерниях Европейской России // Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. СПб., 1898. 273 с.

19. *Расходы* земств 34-х губерний по сметам на 1895 год. Разработано в Статистическом отделении Департамента окладных сборов [Министерства финансов]. СПб., 1896.

20. *Мирские* доходы и расходы за 1905 год по 50 губерниям Европейской России / Министерство финансов, Департамент окладных сборов. СПб., 1909. 401 с.

21. Яснопольский Н.П. Приложения к исследованию о географическом распределении государственных расходов в России: Статистические таблицы, картограммы и диаграммы. Киев, 1897. Ч. 2. 619 с.

22. Кесслер Х., Маркевич А. (2019) Электронный архив Российской исторической статистики, XVIII–XXI вв. URL: <http://ristat.org/>

23. Enflo K., Henning M., Schön L. Estimations and General Trends in the Swedish Regional System // *Research in Economic History*. Vol. 30 / ed. by C. Hanes, S. Wolcott. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2014. P. 47–89.

24. *Обзор* Воронежской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Воронеж, 1872–1916.

25. *Обзор* Вологодской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Вологда, 1871–1915.

26. *Обзор* Калужской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Калуга, 1871–1915.

27. *Обзор* Курской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Курск, 1870–1916.

28. *Обзор* Пензенской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Пенза, 1880–1915.

29. *Обзор* Пермской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Пермь, 1870–1916.

30. *Обзор* Рязанской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Рязань, 1871–1915.

31. *Обзор* Саратовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Саратов, 1871–1915.

32. *Обзор* Новгородской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Новгород, 1871–1916.

33. *Обзор* Смоленской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Смоленск, 1871–1915.

34. *Обзор* Тамбовской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Тамбов, 1871–1911.
35. *Обзор* Ярославской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Ярославль, 1872–1915.
36. *Naftziger S.* Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia // *European Review of Economic History*. 2011. Vol. 15, № 3. P. 393–441.
37. *Обзор* Приморской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Владивосток, 1871–1916.
38. *Обзор* Амурской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Благовещенск, 1871–1916.
39. *Обзор* Забайкальской области (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Чита, 1885–1911.
40. *Обзор* Иркутской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Иркутск, 1870–1916.
41. *Обзор* Енисейской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Красноярск, 1871–1916.
42. *Обзор* Томской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Томск, 1882–1914.
43. *Обзор* Тобольской губернии (Приложение к Всеподданнейшему отчету). Тобольск, 1871–1916.
44. *Яснопольский Л.Н. (ред.)*. Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев : Книгоиздательство Т-ва Л.М. Фиш, 1913. 483 с.
45. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии) // Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Demoscope Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php (дата обращения: 01.12.2021).
46. *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. 2-е изд., испр. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. Т. 1. 892 с.
47. *Кузнецова О.Ю.* Открытие гражданских больниц в городах Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. // *Дальневосточный город в контексте освоения тихоокеанской России* : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.З. Позняк. Владивосток : Рея, 2014. С. 140–146.
48. *Власов С.А.* Очерки истории Владивостока. Владивосток : Дальнаука, 2010. 250 с.
49. *Щербина П.А.* Из опыта предотвращения эпидемий в городах юга Дальнего Востока России в 1910–1911 гг. // *Дальневосточный город в контексте освоения тихоокеанской России* : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.З. Позняк. Владивосток : Рея, 2014. С. 316–321.

References

1. Didenko, D.V. (2021) Dinamika i institutsional'nye istochniki nakopleniia chelovecheskogo kapitala v regionakh Rossii (vtoraia polovina XIX v. – nachalo XX v.) [Dynamics and institutional sources of human capital accumulation in Russia's regions (19th – early 20th centuries)]. In: *Ekonomicheskaiia istoriia: Ezhegodnik* [Economic History. Yearbook]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 107–149.
2. Didenko, D.V. (2021) Spatial inequality and human capital formation in the transition of European Russia to the 'modern' type of economic growth (Late 19th to early 20th centuries). *Mir Rossii – Universe of Russia*. 30 (3). pp. 100–126. (In Russian).
3. Williamson, J.G. (1965) Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns. *Economic Development and Cultural Change*. 13 (4, II). pp. 1–84.
4. Kuznets, S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*. 45 (1). pp. 1–28.

5. Kuznets, S. (1966) *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven; London: Yale University Press.
6. Barro, R.J. & Sala-i-Martin, X. (2010) *Ekonomicheskii rost* [Economic growth]. Translated from English. Moscow, BINOM, Laboratoriia znanii.
7. Kim, S. (1998) Economic integration and convergence: U.S. regions, 1840–1987. *The Journal of Economic History*. 58 (3). pp. 659–683.
8. Crafts, N.F.R. (2005) Regional GDP in Britain, 1871–1911: Some estimates. *Scottish Journal of Political Economy*. 52 (1). pp. 54–64.
9. Felice, E. (2011) Regional value added in Italy, 1891–2001, and the foundation of a long-term picture. *The Economic History Review*. 64 (3). pp. 929–950.
10. Martínez-Galarrraga, J., Rosés, J.R. & Tirado, D.A. (2015) The long-term patterns of regional income inequality in Spain, 1860–2000. *Regional Studies*. 49 (4). pp. 502–517.
11. Stohr, C. (2018) Regional Inequality in Switzerland. In: Hanes, C. & Wolcott, S. (eds) *Research in Economic History*. Vol. 34. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited. pp. 135–198.
12. Combes, P.-P., Lafourcade, M., Thisse, J.-F. & Toutain, J.-C. (2011) The rise and fall of spatial inequalities in France: A long-run perspective. *Explorations in Economic History*. 48 (2). pp. 243–271.
13. Enflo, K. (2014) Finland's regional GDPs 1880–2010: Estimates, sources and interpretations. *Lund Papers in Economic History*. 135. pp. 1–32. [Online] Available from: https://portal.research.lu.se/portal/files/18258181/2014_135.pdf (Accessed: 01.012.20201).
14. Enflo, K. & Rosés, J.R. (2015) Coping with regional inequality in Sweden: Structural change, migrations, and policy, 1860–2000. *The Economic History Review*. 68 (1). pp. 191–217.
15. Lindert, P.H. (2004) *Growing Public: Social Spending and Economic Growth since the Eighteenth Century*. Two volumes. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Kiskidosova, T.A. (2016) Governor's Annual Reports as a Source for the Research of the Urban Population of Eastern Siberia in the 1850s–1880s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 50–53. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/8
17. Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs. (1886) *Statisticheskii vremennik Rossiiskoi imperii* [Statistical Chronicle of the Russian Empire]. Series III. Vol. 16. St. Petersburg: Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs.
18. Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs. (1898) *Statistika Rossiiskoi imperii* [Statistics of the Russian Empire]. [Issue] XXXVI. St. Petersburg: Central Statistical Committee under the Ministry of Internal Affairs.
19. Ministry of Finance. (1896) *Raskhody zemstv 34-kh gubernii po smetam na 1895 god*. [Expenditures of the zemstvos of 34 provinces according to estimates for 1895]. St. Petersburg: Statistical Division of the Fixed Taxes Department.
20. Ministry of Finance. (1909) *Mirskie dokhody i raskhody za 1905 god po 50 guberniiam Evropeiskoi Rossii* [Communes' receipts and expenditures for 1905 in 50 provinces of European Russia]. St. Petersburg: Fixed Taxes Department.
21. Yasnopolsky, N.P. (1897) *Prilozheniia k issledovaniiu o geograficheskom raspredelenii gosudarstvennykh raskhodov v Rossii: Statisticheskie tablitsy, kartogrammy i diagrammy*. [Appendices to the study on the geographical distribution of the government expenditures in Russia: Statistical tables, maps and charts]. Part 2. Kiev: Kiev Imperial University.
22. Kessler, H. & Markevich, A. (2019) *Electronic Repository of Russian Historical Statistics, 18th – 21st Centuries*. [Online] Available from: <http://ristat.org/> (In Russian).
23. Enflo, K., Henning, M. & Schön, L. (2014) Estimations and General Trends in the Swedish Regional System. In: Hanes, C. & Wolcott, S. (eds) *Research in Economic History*. Vol. 30. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited. pp. 47–89.

24. Governor of Voronezh Province. (1872–1916) *Obzor Voronezhskoi gubernii* [Overview of Voronezh Province]. Voronezh.
25. Governor of Vologda Province. (1871–1915) *Obzor Vologodskoi gubernii* [Overview of Vologda Province]. Vologda.
26. Governor of Kaluga Province. (1871–1915) *Obzor Kaluzhskoi gubernii* [Overview of Kaluga Province]. Kaluga.
27. Governor of Kursk Province. (1870–1916) *Obzor Kurskoi gubernii* [Overview of Kursk province]. Kursk.
28. Governor of Penza Province. (1880–1915) *Obzor Penzenskoi gubernii* [Overview of Penza Province]. Penza.
29. Governor of Perm Province. (1870–1916) *Obzor Permskoi gubernii* [Overview of Perm Province]. Perm.
30. Governor of Ryazan Province. (1871–1915) *Obzor Riazanskoi gubernii* [Overview of Ryazan Province]. Ryazan.
31. Governor of Saratov Province. (1871–1915) *Obzor Saratovskoi gubernii* [Overview of Saratov Province]. Saratov.
32. Governor of Novgorod Province. (1871–1916) *Obzor Novgorodskoi gubernii* [Overview of Novgorod Province]. Novgorod.
33. Governor of Smolensk Province. (1871–1915) *Obzor Smolenskoi gubernii* [Review of Smolensk Province]. Smolensk.
34. Governor of Tambov Province. (1871–1911) *Obzor Tambovskoi gubernii* [Review of Tambov Province]. Tambov. (In Russian).
35. Governor of Yaroslavl Province. (1872–1915) *Obzor Yaroslavskoi gubernii* [Review of Yaroslavl Province] Yaroslavl. (In Russian).
36. Naftziger, S. (2011) Did Ivan's Vote Matter? The Political Economy of Local Democracy in Tsarist Russia. *European Review of Economic History*. 3 (15). pp. 393–441.
37. Governor of Primorskaya Oblast. (1871–1916) *Obzor Primorskoj oblasti* [Overview of Primorskaya Oblast]. Vladivostok.
38. Governor of Amur Oblast. (1871–1916) *Obzor Amurskoi oblasti* [Overview of Amur Oblast]. Blagoveshchensk.
39. Governor of Trans-Baikal Oblast. (1885–1911) *Obzor Zabaikal'skoi oblasti* [Overview of Trans-Baikal Oblast]. Chita.
40. Governor of Irkutsk Province. (1870–1916) *Obzor Irkutskoi gubernii* [Overview of Irkutsk Province]. Irkutsk.
41. Governor of Yenisei Province. (1871–1916) *Obzor Eniseiskoi gubernii* [Overview of Yenisei Province]. Krasnoyarsk.
42. Governor of Tomsk Province. (1882–1914) *Obzor Tomskoi gubernii* [Overview of Tomsk Province]. Tomsk.
43. Governor of Tobolsk Province. (1871–1916) *Obzor Tobol'skoi gubernii* [Overview of Tobolsk Province]. Tobolsk. (In Russian).
44. Yasnopolsky, L.N. (ed.). (1913) *Statistiko-ekonomicheskie ocherki oblastei, gubernii i gorodov Rossii* [Statistical and economic essays on regions, provinces and cities of Russia]. Kiev: Knigoizdatel'stvo L.M. Fish & Co.
45. Institute for Demography of the National Research University Higher School of Economics. (2021) The first general population census of the Russian Empire in 1897. Available population in provinces, counties, cities of the Russian Empire (without Finland). *Demoscope Weekly*. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php (Accessed: 01.12.2021). (In Russian).
46. Mironov, B.N. (2018) *Rossiiskaia imperia: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: From tradition to modernity: in 3 vols]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN.
47. Kuznetsova, O.Yu. (2014) Otkrytie grazhdanskikh bol'nits v gorodakh Dal'nego Vostoka v kontse XIX – nachale XX v. [Establishment of civilian hospitals in the towns of the

Far East in the late 19th – early 20th centuries]. In: Pozniak, T.Z. (ed.) *Dal'nevostochnyi gorod v kontekste osvoeniia tikhoookeanskoï Rossii* [Far Eastern town in the context of exploration of the Pacific Russia]. Vladivostok: ООО "Reia". pp. 140–146.

48. Vlasov, S.A. (2010) *Ocherki istorii Vladivostoka*. [Essays on the history of Vladivostok]. Vladivostok: Dal'nauka.

49. Shcherbina, P.A. (2014) Iz opyta predotvrashcheniia epidemii v gorodakh iuga Dal'nego Vostoka Rossii v 1910–1911 gg. [From experience of epidemic prevention in the towns of Russia's Far Eastern South in 1910–1911]. In: Pozniak, T.Z. (ed.) *Dal'nevostochnyi gorod v kontekste osvoeniia tikhoookeanskoï Rossii* [Far Eastern town in the context of exploration of the Pacific Russia]. Vladivostok: ООО "Reia". pp. 316–321.

Сведения об авторе:

Диденко Д.В. – доктор экономических наук, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории экономической и социальной истории, профессор кафедры истории экономики Института общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Didenko, Dr. Sci. (Economics), Cand. Sci. (History), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: didenko-dv@ranepa.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 09.02.2022.

The article was accepted for publication 09.02.2022.